

№ 1489

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

СУББОТА 20 ФЕВРАЛЯ 1960

● SAMEDI 20 FEVRIER 1960

■ TREIZIEME ANNEE

Prix : 0,60 NF (00 Frs)

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Чеховский юбилей в Советской России

29 ЯНВАРЯ во всем Советском Союзе было торжественно отпраздновано столетие со дня рождения А. П. Чехова.

В Москве, в Большом театре состоялось юбилейное заседание, на котором присутствовали члены правительства во главе с Н. С. Хрущевым, дипломатический корпус, представители литературы, искусства и общественных организаций города Москвы.

Заседание открыл своей вступительной речью К. Федин, первый секретарь Союза советских писателей и председатель юбилейного комитета.

В. Катаев прочел «Слово о Чехове», после чего говорили другие ораторы.

Артистами Художественного театра был исполнен последний акт «Трех сестер» и прочтены отрывки из других произведений Чехова.

Оркестр Большого театра исполнил симфоническую поэму Рахманинова «Утес» и финал четвертой симфонии Чайковского.

Собрания, посвященные А. П. Чехову происходили по всей стране, органы печати полны отчетами о юбилее, статьями и стихами, посвященными Чехову, и воспоминаниями о нем.

— «Чехов выдержал испытание временем», — сказал в своей речи В. Катаев. — «Он не только пережил это потрясающее столетие, но слава его небывало выросла и, что самое замечательное, продолжает расти. Больше того: из писателя на-

ционального он стал писателем всемирным. Значение его для новой России огромно».

Как всегда во время юбилейных торжеств, о Чехове было сказано столько, что есть возможность сделать только суммарный обзор того, что говорили и писали.

Бесконечно прав Константин Паустовский, который в своей статье «Заметки на папиросной коробке» в «Литературной газете» от 28-го января (номер, посвященный Чеховскому юбилею) говорит:

— «Я обещал написать статью о Чехове. Но, начав ее, тут же убедился, что писать сейчас о Чехове в том жанре, какой мы определяем словом «статья», очень трудно и, пожалуй, почти невозможно. Кажется, что все слова в русском языке, которые можно отнести к Чехову, уже сказаны, уже истрачены. Любовь к Чехову переросла наши словарные богатства. Она, как и каждая большая любовь, быстро исчерпала запас наших лучших выражений. Возникает опасность повторений и общих мест».

Этими «общими местами» полно большинство статей, которые мы прочли за эти дни в различных советских (а также и в эмигрантских) изданиях, а стихотворения, посвященные юбилею Чехова, тоже не очень блещут оригинальностью.

В руководящих статьях, т. е. в тех, где строго выдерживается основная линия советской идеологии, главный упор сделан, конечно, на «реализм» Чехова и на его восста-

ние против «мещанства» и «буржуазного строя».

Так, например, в своей вступительной статье в чеховском выпуске «Литературной газеты» от 28-го января с. г. «Пути, проложенные Чеховым», Г. Бялый и Г. Макогоненко, справедливо указав на несостоятельность давних определений Чехова, как «певца сумеречных настроений», «человека без идеалов», «равнодушного к людям», стараются особенно подчеркнуть роль Чехова, не только как отрицателя и разрушителя «старых литературных форм», но также и «буржуазных иллюзий», в чем, конечно, немало натяжки.

— «С первых лет творчества Чехов осознал свою новую миссию, почувствовал необходимость отрицания старых форм, которые в руках простых продолжателей окостеневали, мертвели и переставали отражать жизнь в ее богатстве, в развитии и в ее сложности. В обновлении реализма он видел задачу, поставленную перед ним историей, эпохой, современностью... Цели творчества Чехова были прямо противоположны задачам буржуазной литературы. Чехов разрушал «золотые сны». У него не было ни «положительных типов» в духе буржуазной литературы, ни рассказов с благополучным концом.

— «В эпоху Чехова капиталистические отношения, исказив и изуродовав человеческую жизнь, проникли во все поры русского общества и с одинаковой ясностью отразились в крупном и малом. На этом и вырос главный художественный принцип Чехова, обостривший его писательское зрение. Крупные и мелкие несовершенства современной ему жизни предстали перед его художественным взором как явная

ненормальность, очевидная и не требующая многословных доказательств. Возникла ли эта ненормальность в виде вопиющей социальной несправедливости или как выражение безобидной мещанской пошлости, скуки, создавала ли она представление о самодурстве угнетателей или о подлой обезличенности угнетенных, о грубости сильных или об уродливости слабых, — для Чехова любая такая «несообразность», даже самая мелкая, свидетельствовала о глубокой испорченности в сего жизненного уклада... Чехов предъявлял к людям суровые требования, не позволяя ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом мириться с несовершенствами жизни... Поэтому реализм Чехова выносил приговор не только хозяевам положения, угнетателям, безобразникам и пагостникам. С равной силой высмеивает Чехов угнетенных коллежских регистраторов, пресмыкающихся и заискивающих перед сильными мира сего».

Авторы отмечают также, что Чехова возмущали не только русские уродливые формы, но и мировое зло, что он протестовал против «вопиющей неразумности» всего мирового строя жизни и мечтал о мировом будущем счастье человечества, почему его творчество и встретило такой широкий отклик во всем мире.

Резюмируя множество подобных идеологических статей о Чехове, можно закончить цитатой из первых абзацев этой же статьи:

— «Мы празднуем юбилей крупного художника не ради славословия, а, как говорил В. И. Ленин, «для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя», который так мно-

го сделал для развития русской и мировой литературы».

Корней Чуковский, в своей статье «Художник», говоря о воздействии на него чеховских творческих принципов и приемов, вспоминает одно стихотворение, посвященное Чехову, в котором выражен если и не единственный, то один из самых важных принципов чеховского творчества:

— «Стихотворение суховатое, без всяких эмоций, без лирики. Оно похоже на беглый карандашный набросок. И все же в нем видится мне подлинный Чехов, такой, каким он был на самом деле, хоть и воспринятый только с одной стороны. Поэт зарисовал его в Ялте. Чехов, больной, одинокий, вышел из своего дома и бродит по саду:

Хрустя по серой гальке, он
прошел
Покатый сад, взглянул по
водомам.
Сел на скамью... За новым
белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел...

Дни Чехова сочтены, и он хорошо это знает:

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как
сизы
На жарком солнце траурные ризы.
Как желт огонь, как бел на
синем дом.

Самое удивительное в этих строках — неожиданное слово «улыбаясь». Помню, когда я читал их впервые, оно поразило меня больше всего: как может человек улыбаться, думая о собственных похоронах? Разгадка этой странности — в заглавии. Стихотворение называется

«Художник». По мысли автора, Чехову как художнику до такой степени было любо и весело воссоздавать в своем воображении ту или иную картину материального мира, все ее краски, очертания и образы, что он с улыбкой рисовал перед собою даже картину своих похорон — всю до мельчайших деталей: и солнечные блики на черных одеждах, и огоньки восковых погребальных свечей.

«Автор стихотворения — Бунин, хорошо и близко знавший Чехова. Возможно, что приведенные строки всего лишь вымысел, предположение, догадка, но все же мне кажется, здесь очень верно подмечено и выдвинуто на первое место самое что ни на есть основное в личности и творчестве Чехова: его ненасытный, никогда не ослабевающий, жгучий интерес ко всякому проявлению жизни, ко всякому ее воплощению в зримых и осязаемых образах. Зримый и осязаемый образ — главный ресурс его творчества и, как мы ниже увидим, главнейший посредник между ним и читателем».

Знаменитый современный китайский писатель Лу Синь записал в своем дневнике «в пасмурное воскресенье 24 марта 1935 года: «Ночью закончил перевод трех рассказов Чехова, всего около восьми тысяч иероглифов; полностью завершена работа над всеми восьмью рассказами».

«Цао Юй — один из самых талантливых современных китайских драматургов, интересен тем, что он, как никто другой, испытал влияние чеховской драматургии. И не случайно Цао Юй пишет: «Чехов открыл передо мной большие ворота» (Ю. Трифонов, «В тысячах и тысячах иероглифов»).

— «На стенах самой большой комнаты в скромной квартире известного индийского писателя и критика Банарасидаса Чатурведи любовно развешаны фотографии выдающихся общественных деятелей и наиболее любимых хозяином писателей. На видном месте — портреты Горького и Чехова», — сообщает И. Михайлов («Друзья в Индии»).

Чатурведи показал Михайлову недавно полученную им из Москвы книгу — изданную на языке «хинди» (одном из трех главных языков Индии) «Даму с собачкой» Чехова — на хинди: «Куттивала Махила».

— «Очень правильно делаете, что переводите и издаете произведения Чехова на индийских языках», — сказал гостю Чатурведи.

— «Наряду с Толстым и Горьким, это любимейший писатель индийцев. Его произведения были известны в Индии еще до первой мировой войны. Непревзойденный мастер короткого рассказа оказал огромное влияние на творчество многих индийских писателей. И это не только мое личное мнение, это мнение многих и в том числе нашего великого писателя Премчанда».

— «Произведения Чехова пользуются популярностью и любимы широкими слоями читателей Индии», — говорит Михайлов. — «Их переводят и издают в самых отдаленных районах страны. Можно с уверенностью сказать, что сборники избранных произведений Чехова переведены почти на все основные языки многонациональной Индии».

Джон Бейли Фернал, президент Королевской Академии драматического искусства в Лондоне, в таких словах говорит о Чехове-драматурге:

— «Самый тонкий из английских исследователей Чехова, Уильям Гер-

харди, называет его драматургом «длящегося момента». Трудно найти более удачное определение. Ни одному другому драматургу не удавалось с такой полнотой вскрыть эмоциональную глубину моментов, которые сами по себе кажутся тривиальными, пока мы не вспоминаем, что вся наша жизнь состоит из «тривиальных» моментов... Соприкоснуться с духовным миром Чехова — это ни с чем не сравнимое счастье и честь. Я считаю, что нет другого драматурга, который мог бы дать столько, сколько дает Чехов, и с которым у его истолкователя могла бы возникнуть такая духовная близость».

Я не буду останавливаться на статьях Андре Моруа (помещенной в «Литературной газете») и на речах Андре Барсака, директора театра «Ателье», т. к. они уже опубликованы в русской парижской прессе.

Д. Шостакович считает Чехова своим самым любимым писателем и выражает сожаление, что «до сих пор произведения Чехова не нашли своего отражения в музыке, хотя многие чеховские вещи исключительно музыкальны по своему настроению. Например, повесть «Черный монах» я воспринимаю как вещь, построенную в сонатной форме».

— «Биография Чехова», — говорит он, — «одна из наиболее чистых и благородных биографий. Меня восхищает его житейский подвиг — поездка на Сахалин, стремление увидеть все своими глазами, понять, почувствовать самому».

Л. Шостакович выражает сожаление, «что была опубликована переписка Антона Павловича с О. Л. Книппер-Чеховой, настолько интимная, что не хотелось бы многое видеть напечатанным».

В заключение, я хочу вернуться

опять к статье Константина Паустовского. Как-то особенно трогательна и дорога нам высказанная им мысль о «чувстве Чехова».

— «О Чехове сказано как будто все. Но пока еще мало сказано о том, что оставил Чехов нам в наследство в наших характерах и как Чехов своим существованием определил сегодня жизнь тех, кому он дорог».

О двух «чувствованиях Чехова» К. Паустовский особенно хорошо говорит в конце своей статьи: «гений» и «доброта», два слова, которые он записал, думая о Чехове.

— «Чехов — писатель гениальный. Это бесспорно. Но во внимание к его исключительной скромности никто из людей, писавших о нем, не сказал об этом прямо. Даже после смерти Чехова мы стесняемся об этом говорить, чтобы не рассердить его. Сам Чехов наложил запрет на это слово.

«Чехов был скромен, как может быть скромным только подлинно великий человек. Он с яростью относился к чванству, к спеси, к хвастовству.

«Он писал, что самое характерное качество бездарного писателя заключается в том, что он ведет себя надуту и спесиво, как первосвященник. Скромность — одна из величайших черт русского народа. Скромными были все простые и замечательные русские люди. Ни один из них не занимался самохвальством, не улюлюкал на чужаков, не ставил себя в пример всем.

«В скромности — моральная сила и чистота народа, в бахвальстве — его ничтожность и недостаток ума.

«Относительно записи: «доброта» можно сказать очень много. Но остается мало времени и места. Можно говорить о доброте самого Чехова как человека, но гораздо

важнее то обстоятельство, что Чехов был добр и гуманен как писатель. Пожалуй, нет в нашей литературе другого человека, который бы с большим доброжелательством относился к людям, страдал за них и стремился помочь им. Да, он был добр, но беспощаден. Он умел ненавидеть, он не был мягкотелым проповедником всепрощения. Но он знал глубину человеческого горя и ужас людского несчастья, знал, как врач и писатель, и требовал от людей милосердия друг к другу».

В Советском Союзе издана 1.191 книга А. П. Чехова тиражом 54,6 миллиона экземпляров на 75 языках народов СССР и зарубежных стран.

За период 1948—1958 гг. собрания сочинений писателя вышли в Болгарии и Голландии, Италии и Германской ДР, Польше и Румынии, Чехословакии и Франции.

Сборники рассказов А. П. Чехова за то же время вышли за рубежом примерно 150 раз.

За последние годы Чехов пришел и в страны Востока. Кроме Индии, книги Чехова переведены в Индонезии, Китае, Корее, Монголии, Японии.

Его пьесы идут во многих странах мира. Сборники пьес Чехова изданы за последние годы в США пять раз, по четыре раза в Англии, Франции и Румынии, а также в Венгрии, Голландии, Дании, Югославии, Польше и Чехословакии.

В одном из своих писем Чехов сказал: «Все мною написанное забудется через 5—10 лет; но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы».

Первая часть этого пророчества, как мы видим, не сбылась, но вторая его часть — осуществилась полностью.

Ю. Терапиано